

– *Здравствуйте, Ирина. Решил задать вам несколько вопросов. Вы – главный редактор журнала «Парус», член Союза писателей России, успешный преподаватель МГИКа. Как вы всего этого сумели добиться в довольно молодом возрасте? Вы стали доктором наук и получили должность профессора в 30 лет. В чем ваш секрет? В чем ваша особенность?*

– Здравствуйте, Вячеслав! Спасибо. Наверное, мне просто повезло. Вроде бы кажется, что в жизни все идет само собой – по накатанной колее. Но мы-то знаем, что лучший экспромт – хорошо подготовленный. Сейчас, оценивая прожитый отрезок, начинаю понимать, что как будто бы ждала тех шансов, которые мне предлагала судьба, и приближалась к ним, будучи во всеоружии. Много времени отдавала любимым занятиям: в юности не любила телевизор, наверное, меньше ходила гулять с друзьями – зато писала статьи, диссертацию, читала множество книг и делала выписки. Скажете, скучно? Но тогда меня просто захватывал этот мир литературы, философии, научных исследований – и много музыки (три раза в неделю по несколько часов репетиций с нашей университетской группой, периодически – концерты).

Все происходило очень естественно – и мне тогда нравилось все, что я делаю.

По правде говоря, с самого детства чувствовала себя не похожей на своих сверстников. В какие-то моменты это ощущение было почти мучительным. Слишком много думала, анализировала – даже самой иногда казалось, что я – как будто с другой планеты.

Впрочем, родом я из провинции. Родилась в Армавире – на юге России, в Краснодарском крае. Это небольшой южный город,

до 200 000 жителей, в котором проживает много армян, поэтому мне с детства близка восточная культура и восточная кухня – люблю лаваш и гату... (смеется).

– *А были какие-нибудь конфликты на национальной почве?*

– О, нет! С армянами мы жили очень дружно, без всяких раздоров.

– *То есть вы выросли городским ребенком. А кем были ваши родители?*

– Я никогда не жила в деревне, поэтому могу судить о ней только по художественным произведениям, но в общем – да – выросла стандартным городским ребенком, если брать внешнюю сторону.

Мои родители оба окончили школы с медалями, у них по два высших образования и множество умений – это очень одаренные люди. Отец – кадровый военный, талантливый летчик-истребитель, испытатель, великодушный преподаватель, автор собственных лекций, статей и книг. Он прекрасный организатор, и, уйдя на пенсию, сумел перекалифицироваться: руководил предвыборными кампаниями, работал в администрации города, освоив тонкости спасательной службы в МЧС, следил за паводками, сейсмической активностью, контролировал работу службы безопасности и т.д. Мама – провизор-технолог, химик-аналитик, заведовала аптекой. И сейчас она – одна из лучших и опытных специалистов. Кроме того, очень тонко чувствует художественные произведения, любит искусство и всегда много говорила со мной о книгах, фильмах; в детстве водила в театры, часто – на оперетты. У нас в семье много пели – бабушка, Александра Ивановна Коновалова (которая, к слову о профессиональных семей-

ных традициях, тоже была педагогом – работала воспитателем в послевоенном детском доме), при своем маленьком росте обладала мощнейшим голосом, ее даже приглашали в хор Пятницкого; мама пела нежно и мелодично, дедушка, Андрей Федорович Коновалов, тоже имел прекрасный слух, а в доме моего прадеда, Ивана Алексеевича Бесова, был настоящий домашний оркестр, все играли на разных музыкальных инструментах и пели. В детстве, помню, иногда по вечерам мы собирались всей семьей и заводили на несколько голосов народные, казачьи и военные песни.

Вообще, моя семья в период нашего совместного жития состояла сплошь из «идеалистов», которые были, пожалуй, «слишком порядочными», никогда не увлекались сугубо материальным, очень дружили, стояли друг за друга горой. В доме не было сквернословия, проявления вредных привычек – то же самое у бабушки с дедушкой (дедушка Андрей Федорович, прошедший всю войну, воевавший в Европе, перенесший ранение, никогда не сказал ни одного матерного слова, не курил и не выпивал больше рюмки домашнего вина. Удивительный был человек, все умел: и дом построить, и вареников налепить, и машину починить, и арбузы-помидоры вырастить, и в шахматы отлично играл. А сколько он сделал своими руками разных механических и электрических станочков и приспособлений!).

Горжусь своими родителями и родными. В детстве часто ловила себя на мысли, что мне с ними «повезло». Они сумели создать уникальную атмосферу любви и защищенности, чего иные дети, даже имея семью, были лишены. Родители много в меня вкладывали – всегда ощущала эту ответственность и, конечно, очень им благодарна.

Упомяну еще один факт, хотя сегодня об этом иногда говорят совсем в другом ключе, – устраивают настоящий цирк с дворянскими обществами, собраниями, покупкой титулов, с переписыванием истории. А ведь самое главное – сберечь в себе родовую память, существование которой на уровне ДНК уже подтвердили ученые.

Мой отец, Владимир Валентинович Таратухин – из рода князей Таратухиных (в «Петре I» Алексея Толстого упоминается эта фамилия). У деда, Валентина Георгиевича Таратухина, имелась даже старинная книга на застезках, в которой рассказывалась наша родовая история. В годы войны эта книга была продана какому-то ученому на Урал, теперь следы безвозвратно утеряны. А в Пятигорске мой прадед владел кожевенным заводом, огромным домом на месте нынешнего автовокзала. Все во время революции было разрушено, но дед сумел сохранить мастерство предков – прекрасно разбирался в коже, умел с ней работать – шил красивую обувь. Руки у него были золотые, под стать другому моему дедушке – Андриюше, о котором я уже рассказывала. Они, по совпадению, даже какое-то время вместе работали в геологоразведке. Дедушка Валентин, помимо прочего, был великолепным резчиком по дереву. У нас дома до сих пор сохранились некоторые его работы – очень самобытные, похожие на скульптуры из дерева.

А моя мама, урожденная Людмила Андреевна Коновалова, по материнской линии принадлежала к роду Нарышкиных. наших родственников по этой линии сослали куда-то в Забайкалье. О сокровищах нарышкинского рода, исчезнувших после смерти моей прапрабабушки, в семье ходили легенды, как и о са-

мой прапрабабушке, которая была очень красива, образована и занималась со всеми детьми в семье, включая мою прабабушку Нюру (Анну Алексеевну Бесову). Прабабушка Нюра жила с нами до моего совершеннолетия. Тысяча девятьсот второго года рождения, она училась в дореволюционной гимназии, говорила по-французски, сочиняла для меня сказки. Это была классическая бабушка, полноценно занимающаяся внучкой. Была у нее одна слабость – любила смотреть хоккеей (вижу в этом удивительное совпадение: мой муж – тренер по хоккею с шайбой). Но преимущественно помню ее с вязанием, с книгами (которые она читала и когда ей было уже за девяносто). Недавно мой сын надел носочки, связанные прабабушкой специально для своего будущего праправнука. Она знала, что не увидит его, но связала несколько пар малюсеньких носочков. Вспоминаю прабабушку Нюру с большим теплом. У меня есть ощущение, что все члены моей семьи, даже ушедшие, – как будто и сейчас со мной.

В семидесятые годы XX века, когда мои родители поженились, они, конечно, ни о каком дворянстве не думали (просто поразительно, как они нашли друг друга): да и тогда было не принято говорить о «наследственности», о происхождении (тем более о таком, которое не вписывалось в пролетарско-социалистическую концепцию). Я, например, узнала о своем «двойном дворянстве» довольно поздно. Ни в каких дворянских обществах, несмотря на приглашения, не состою и не собираюсь вступать, поскольку вижу в этом пресловутое повторение истории во второй раз – только уже в виде фарса.

Глубоко верю в духовную мудрость нашего

потомственного крестьянства, но вместе с тем надеюсь, видя достойный пример своих родственников, сохранивших дворянские гены, что и в среде русского дворянства были вполне порядочные и достойные люди, а не только те, кто состоял, по меткому слову Бориса Башилова, в блудливом, неверном Отечестве и его традициям «Ордене русской интеллигенции».

– *Как возникла идея создать свой журнал? Не боялись ответственности?*

– Глаза боятся – руки делают. Сейчас, оглядываясь назад, осознаю, что к подобным делам нужно иметь дерзновение, и, надо сказать, к счастью или нет, иногда нахожу нечто подобное в себе – возникает какая-то тяга открывать «новые двери». Осенью 2010 года, когда начала работать над авторским курсом по «Литературному редактированию и стилистике», а также читать этот курс по профилю дополнительного образования, поняла, что мне не хватает редакторского опыта, настоящих «полевых» материалов, опыта взаимодействия с авторами. Этот опыт нужно было обязательно получить. Создание «Паруса» изначально имело именно такую цель – своего рода самообразование. Потом, как водится, стало захватывающе интересно – и этот интерес перерос все прагматические цели. Я поняла, что теперь у меня появилась надежная команда, свой круг верных журналу авторов, уникальные тексты, которые как будто только и ждали появления нашего издания. Теперь я не брошу «Парус» ни за какие коврижки... (*смеется*).

Да, мы работаем без зарплаты, но зато ни от кого не зависим в выборе материалов и направленности журнала. Мы находим уникальных, талантливейших авторов из самых разных

уголков страны. Мы вышли на определенный уровень — самонадеянно полагаю, что входим если не в пятерку, то в десятку ведущих патристических журналов России, наряду с «Нашим современником» и «Родной Кубанью». Материалы у нас публикуются серьезные — все проходит строгий отбор, да и техническое качество публикаций высокое. Но, конечно, мы прикладывали много усилий, чтобы дорасти до этого и сохранить журнал, не теряя ни содержательного, ни формального уровней.

— *Всегда было интересно узнать, как вы сами бы ответили на те вопросы, которые предлагаете авторам? Вот расскажите, например, что стало причиной вашего прихода в литературу? Какими были первые опыты?*

— Моими первыми сказками, которые я слышала от родителей, были сказки Пушкина, прочитанные вслух. В семидесятые годы XX века дети начинали говорить и читать раньше, чем сегодняшнее «планшетно-телевизионное» поколение, и я в год и восемь месяцев уже рассказывала первые стихи наизусть, а в два года и восемь месяцев декламировала приличный отрывок из «Сказки о царе Салтане...» и другие стихотворения — остались даже магнитофонные записи. Года в три, когда познакомилась с буквами и цифрами, мне открылся их удивительный мир — в цвете, объеме и невообразимых фактурах. Каждый знак представлялся в своем виде (как сегодня говорят, 3D), своего цвета, причем я до сих пор не могу описать словами эти цвета и эти фактуры. Благодаря такой особенности позже, в школе, было легче постигать грамотность — в моем сознании слова были окрашены под цвет букв — ошибиться в написании было сложно, если я помнила, какого цвета слово: например, удво-

енная «л» придавала слову молочно-янтарную прозрачность и так далее.

Года в четыре, когда только «освоила письменность», начала переносить себе в блокнот корявыми печатными буквами «Золотой ключик» Алексея Толстого. Мне как будто хотелось «унести с собой» сказку. Можно сказать, эта привязанность (во всех смыслах) к художественным текстам сохранилась и по сей день.

В школьные годы я особенно любила сочинения, и уже тогда записала в своем дневнике, что буду «автором статей по литературе» — хотя это выглядело не совсем обоснованно: я собиралась поступать в мединститут, штудировала книги по химии сверх программы, дома у меня была мини-лаборатория (уже в старших классах пошла работать в аптеку, там можно было раздобыть реактивы). Но постепенно страсть к литературе все больше перевешивала, пока не победила. Особенно мне нравилась поэзия. Я писала много стихов, еще больше читала — была постоянным посетителем детской библиотеки, таская домой огромные сумки с книгами. А когда приезжала к бабушке на лето, практически жила в ее библиотеке — в те годы, когда было трудно купить для чтения что-то стоящее, бабушка смогла, где-то переплачивая, где-то обменивая, собрать роскошную библиотеку классики. Дома у нас всегда много читали и говорили о прочитанном. Помимо художественной литературы, родители выписывали целый ворох газет и журналов, в том числе литературных.

В университетские-студенческие годы я с самого начала была настроена «стать ученым», поэтому с первого курса знала, что пойду в аспирантуру. По окончании вуза на отделение русского языка меня брали безоговорочно, а

вот «на литературу» был большой конкурс, но это не останавливало — уже тогда я понимала, что делаю выбор на всю оставшуюся жизнь.

Моя первая статья о Дмитрие Мережковском заняла первое место в крае на конкурсе студенческих работ. На четвертом курсе я стала автором предисловия к межкафедральному сборнику и тогда же отправила в «Литературную учебу» свою статью об Александре Блоке, в которой высказывала непопулярную в те годы позицию, — и мне тут же позвонили из журнала (это казалось чудом: из Москвы — девочке-студентке в провинциальный Армавир), попросив немного сократить и упростить материал для публикации. Я задумалась: с одной стороны, мне не хотелось ничего менять, с другой — не совсем понимала, зачем нужна эта переделка и как ее осуществить. Я писала статьи, как художественные тексты, — с внутренней ритмикой, логикой, композицией — условно говоря, как «песни», а из них ведь «слова не выкинешь»? Тогда я не изменила ни слова, текст остался неопубликованным. Спустя пятнадцать лет эту статью практически в исходном виде спокойно опубликовал журнал «Москва», и мне как лауреату в области литературной критики дали премию — спасибо Капитолине Антоновне Кокшеновой!

Незадолго до этого было лауреатство за статью о поэтах Серебряного века в журнале «Молодая гвардия». Я начала публиковаться в «Литературной газете», «Нашем современнике», «Литературе в школе», «Российском писателе», «Дне литературы», «Литературной России» и других изданиях. Правда, большинство публикаций были, скорее, «случайными», никогда не рассылала своих статей по редакциям — материал просили у меня сами

сотрудники журналов либо кто-то отдавал мою статью, один раз откликнулась на острую полемику, когда промолчать было нельзя.

Когда ректор МГГУ имени М. А. Шолохова Юрий Георгиевич Круглов принимал меня на работу на свою кафедру, то на столе у него лежала свежая «Литературка» с моей публикацией — думаю, такое стечение обстоятельств тоже сыграло тогда свою роль в моей преподавательской судьбе.

По большому счету я публиковалась не очень много — не придавала этому большого значения. И сегодня количество публикаций, полагаю, не самый существенный показатель для литературоведа. Прекрасно понимаю, что большинство моих коллег могли бы писать гораздо больше глубоких и интересных статей, если бы их свободное время не пожирала бюрократическая отчетность последних лет и громадные преподавательские нагрузки. Ну а большинство моих статей сегодня можно увидеть в «Парусе». Для рубрик «Проза» и «Человек на земле», когда была возможность, каждый месяц писала несколько небольших заметок-комментариев к текущим материалам, чтобы привлечь к авторским сочинениям дополнительное внимание читателей, а самих читателей вызвать к размышлению.

Наконец, дождалась того золотого времени, когда могу писать о чем хочу и когда хочу, ограничивает только нехватка этого же самого времени — у меня семья и, помимо «Паруса», преподавательская и административная работа во МГИКе.

Для меня очень важно писать «неспешно». Хочется подолгу «всматриваться» в авторские интонации, размышлять над ними — и делать это за пределами всякой псевдонаучной мур

и ваковско-индексной отчетности, под которую сегодня формально загоняют всех, кто числится на университетских кафедрах.

— Кого можете назвать своими литературными учителями?

— И здесь мне опять повезло. Это настоящее счастье — встречать на своем пути удивительных, далеко не рядовых людей. Исполнено чувством глубокой благодарности ко всем, кто щедро делился со мной своими талантами, мудростью и пониманием жизни. Спасибо, что задали этот вопрос, Вячеслав, — хорошая возможность высказать то, что говорится нами нечасто. А если по порядку, то...

Моя школьная учительница по литературе и русскому языку — Анжела Андреевна Михитарова — до сих пор является для меня эталоном учителя вообще, и, конечно, она была первоклассным специалистом по своему предмету, учителем-новатором. У нее всегда был идеальный порядок на уроках, она так искусно организовывала учебный процесс, что я до сих пор применяю некоторые ее методы преподавания. А еще она в меня верила, что тоже немаловажно.

В университете, когда на четвертом курсе «Историю критики» и «Историю литературы XX века» у нас начал читать профессор Юрий Михайлович Павлов, я поняла, что литературоведение может быть значительным и интересным. Поступив в аспирантуру, даже не сомневалась в выборе научного руководителя. Под руководством Юрия Михайловича написала кандидатскую, а потом и докторскую, уже не изменяя тому направлению, которое он обозначил и которое, как я очень надеюсь, станет ведущим в отечественном литературоведении. И опять скажу, что мне по-настоя-

щему посчастливилось — учиться у такого серьезного и глубокого наставника, подвижника и новатора, одним из первых заговорившего о «запретных вещах», так уверенно и точно расставившего многие важные акценты в нашей литературоведческой науке, так органично сочетающего слово и дело. До сих пор мнение этого человека по самым разным вопросам (и не только литературного, но и жизненного порядка) для меня чрезвычайно важно.

Тяга к философии выросла из стараний другого преподавателя, бескорыстно с нами возившегося на протяжении многих лет — Александра Дмитриевича Похилько, создавшего при кафедре философии не имеющую аналогов в России философскую школу, которая вырастила многие поколения студентов и научила их мыслить. Полагаю, что именно профессор Похилько приобщил меня к синтезу и аналитике, а также значительно расширил кругозор и философское образование (это моя дополнительная специальность, которая, внешне находясь в пассиве, постоянно проявляется как некая внутренняя работа — и, вероятно, иногда ощущается в статьях).

Сейчас для меня чрезвычайно важно общение со значительным современным философом Николаем Петровичем Ильиным, с которым мы уже записали несколько бесед, опубликованных в «Парусе», и который ведет у нас в журнале «Школу русской философии». Его видение истории русской мысли перерабатывает все привычные представления и кажется мне глубоко верным.

Если говорить о классиках, которые оказали наибольшее влияние, то я бы назвала святоотеческие труды, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевско-

го, славянофилов, А. А. Григорьева, Н. Н. Страхова, К. Ф. Головина, А. П. Чехова, В. В. Розанова. Под влиянием Н. П. Ильина очень заинтересовалась русским мыслителем П. Е. Астафьевым.

Мои постоянные учителя-«попутчики» — коллеги-редакторы из журнала «Парус» (сколько насущных и неутилитарных вопросов мы с ними обсудили практически в каждом дневном общении — и продолжаем делиться друг с другом открытиями и размышлениями). Это очень талантливые люди — высочайшей культуры, настоящие профессионалы и при этом — совершенно живые, с острым умом и большими чуткими сердцами.

Совершенно особая категория учителей — современные писатели, мыслители и критики, в первую очередь авторы журнала «Парус». Общение с одаренными творческими людьми по-настоящему наполняет, дает импульс не просто к мышлению, но к осознанию. Большая радость, когда автор делится опытом не только посредством художественного слова, но и «напрямую», в письме или непринужденной беседе. Я очень ценю это — считаю большим подарком судьбы.

Вообще, если понаблюдать за собой пристальнее, учишься у всех — не говорю уже о родных и близком круге как о самых главных учителях, у окружающей нас реальности — видимой и невидимой...

И вот я так и учусь — и у своих студентов, и у своего сына-дошкольника... У природы — и разлитого в воздухе незримого света... Иногда не знаешь, с какой стороны придет новое осознание — не записанные на бумаге «штудии» нового видения, непредвзятости, понимания и безусловной любви.

— *Как бы вы могли обозначить сферу своих литературных интересов?*

— Религиозно-философский подтекст художественных произведений, философия автора, загадка мира и человека.

— *Какого автора, на ваш взгляд, следует изъять из школьной программы, а какого — включить в нее?*

— Я не знаток школьных программ, поскольку работаю со студентами. Навскидку полагаю, что надо было бы включить Ивана Шмелева, если до сих пор его не изучают, он очень познавателен и занимателен для детей. А вот Некрасова с его «Красным носом...» и «Кому на Руси...» я бы исключила — здесь не столько художественность, сколько явная идеология в сочетании с морализаторством, от которой и дети уже устали.

Многим хрестоматийным авторам не повезло с тенденциозным выбором произведений — Александру Блоку, например. «Двенадцать» дети воспринимают с досадным недоумением. А «Фабрика», «Сытые» — разве это доминанта творчества поэта? Либо инерция — понятие автоматически удваивающееся в науке о литературе, либо к составлению хрестоматий привлекали исключительно приверженцев марксизма-ленинизма.

— *Каковы ваши предпочтения в других видах искусства: кино, музыка, живопись?..*

— Я много лет отдала музыке (вокал, клавишные, гитара). Очень ее люблю, «вижу», ощущаю всем телом. Не могу слушать круглосуточно, как фон — включаю определенные произведения специально. Сегодня у меня преимущественно классические предпочтения — Моцарт, Бах, Бетховен, Шуберт, Шуман, Шопен, Вивальди, Чайковский, Глинка.

По настроению люблю послушать и других композиторов.

А мои вкусы, касающиеся живописи, отражаются на обложках журнала «Парус». Очень люблю Саврасова, Поленова, Левитана, Крыжицкого, Клевера, Остроухова, Айвазовского, Васильева, Ярошенко и других реалистов, которые умеют не только почувствовать цвет и выверить мазок, но и создать образ, соткать полотно смыслов. За их пейзажами всегда стоит нечто большее. Такие же требования у меня к кинематографу и музыке — не только техничность и высокое мастерство, но создание как будто бы нового «живого существа» — нет, Шарикова я не имела в виду... *(смеется)*.

— **Вы считаете литературу хобби или делом своей жизни?**

— Я уверена, что литература — это мое. Чувствую, что принадлежу ей без остатка, готова заниматься ею, даже если мне никто не будет за это платить (как вы видите на примере журнала «Парус»), даже если будут запрещать — все равно найду способ общения с литературой. А (давайте пошутим) хобби — все остальное.

— **Как говорят, в каждой шутке есть доля шутки...**

— Это стопроцентная шутка *(смеется)*. По правде говоря, нормальная мать, у которой есть ребенок, порядочная жена, у которой есть муж, по моему мнению, уже не могут всецело принадлежать литературе. Мужчинам в этом смысле проще отдаваться какому-либо «делу жизни». В моей же ситуации я принадлежу литературе ровно настолько, насколько это возможно. Я не могу «потеснить» семью, поэтому стараюсь привносить поэзию и творчество в текущую жизнь, так что четкого разделения не

существует — это позволяет мне как женщине полноценно существовать во всех ипостасях: и литератора, и редактора, и преподавателя — и жены, и матери,

— **Каковы ваши пожелания читателям толстых литературных журналов?**

— Читайте, мыслите, страдайте и испытывайте настоящее счастье! А главное — растите не просто как читатели, но и как уверенные строители себя и своей жизни по самым высоким духовным стандартам.

— **Ирина, спасибо за насыщенную беседу. Желаю вам крепости духа, удачи и вдохновения на вашем сложном и интересном литературном поприще. ■**

Беседовал Вячеслав Бреднев